Для цитирования: Бархатов В. И., Плетнёв Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83

УДК 329.273

ЦЕНТРЫ И ПЕРИФЕРИЯ УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

Бархатов Виктор Иванович,
Челябинский государственный университет,
директор Института экономики отраслей,
бизнеса и администрирования,
доктор экономических наук, профессор.
Российская Федерация, 454001,
г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.
E-mail: ieo-science@csu.ru

Плетнёв Дмитрий Александрович,
Челябинский государственный университет,
доцент кафедры экономики отраслей и рынков,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454001,
г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.
E-mail: pletnev@csu.ru

Капкаев Юнер Шамильевич,
Челябинский государственный университет,
профессор кафедры экономики
отраслей и рынков,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454001,
г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.
E-mail: zam@csu.ru

Аннотация

Введение. Вопросы пространственного развития России сегодня являются крайне важными для изучения: технологические и социально-экономические изменения, произошедшие за период с 2000 по 2019 г., формируют новые тренды, которым подчиняется региональное развитие, и их необходимо понимать и изучать для лучшего государственного регулирования этой сферы.

Цель. Анализ трендов развития региональных центров и периферии российской экономики в период с 2000 по 2018 г. на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов.

Методы. В статье использованы метод обобщения, группировки, дисперсионного анализа, расчета динамических характеристик временных рядов и корреляционный анализ.

Научная новизна исследования. В статье впервые представлен эмпирический анализ социально-экономического развития российских регионов, входящих в Уральский и Приволжский федеральные округа в период с 2000 по 2018 гг. (включая период «новой нормальности» — после 2009 г.), основанный на выделении среди них трех разнокачественных групп регионов (Центра (Республики Татарстан и Свердловской области), Периферии 1 — отсталых регионов по классификации А. Г. Райзберга, к числу которых отнесены семь регионов, и Периферии 2 — группы депрессивных регионов, образованной восемью субъектами Российской Федерации.

Результаты. В результате проведенного исследования установлено, что сформированные группы регионов имеют различные тренды социально-экономического развития, и условия «новой нормальности» только усиливают эти различия. Показано, что пространственная дифференциация российской экономики возрастает.

Выводы. Представленное исследование может быть использовано для более глубокого и детального анализа процесса формирования в российской экономике центров и периферийных экономик с целью выработки рекомендаций по преодолению их отставания и обеспечения сбалансированного пространственного развития страны.

Ключевые понятия:
центр,
периферия,
новая нормальность,
региональная экономика,
валовой региональный продукт,
индекс стоимости жизни,
среднедушевые доходы,
демография.

Введение

Связанность территории Российской Федерации в прямом, инфраструктурном смысле, а также ее существование и развитие как единого экономического и социального пространства являются одним из приоритетов Стратегии научно-технологического развития России. Часто регионы находятся в условиях конкуренции, не предполагающей конструктивного взаимодействия: за качественные трудовые ресурсы, за распределение государственных средств на крупные (и не только) проекты, и даже за выпускников школ, стремящихся поступить в лучший вуз. Невозможность крупномасштабного сотрудничества может быть объяснена целым комплексом причин, среди которых центральное место занимает нестабильность макроэкономической среды (условий «новой нормальности») и давно сложившийся диспаритет межрегионального взаимодействия. Он достаточно ярко проявляется в российских условиях, где уже сложилась особая пространственная структура, отношения между субъектами которой удобно и уместно описывать в терминах центра и периферии.

Целью статьи является анализ трендов развития региональных центров и периферии российской экономики в 2000—2018 гг. на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов. При этом особое внимание будет уделено изменениям в трендах, вызванных условиями «новой нормальности», характерными для периода после мирового кризиса 2009 г. Гипотеза исследования такова: в России сформировалась региональная структура, состоящая из центральных и периферийных регионов, и их обособление со временем, а также в условиях «новой нормальности» только возрастает.

Вопросы пространственного развития российской экономики находятся в центре внимания многих российских ученых. Реакция российских регионов на мировой финансовый кризис и прогноз их восстановления был дан в работе А. Г. Гранберга и коллег [9]. Авторы указали на слабую поддержку антикризисных региональных стратегий со стороны центра, определили отрасли и (как следствие) регионы, в наибольшей степени ощутившие спад мировой экономики. Это машиностроение, металлургия, химическая промышленность. В результате наиболее пострадавшими оказались регионы, в которых развивалась обрабатывающая промышленность, в том числе Приволжского и Уральского федеральных округов.

В числе факторов, существенно влияющих на региональное развитие, часто называют институциональную среду [13]. Мы поддерживаем утверждение важности оценки и разумного использования в федеральной стратегии регионального развития и в соответствующих региональных стратегиях инструментов, связанных с институциональным проектированием. Главное, чтобы в процессе практической реализации таких стратегий «институты» не превратились в модное слово, которым прикрывается поверхностное их понимание. Для этого необходим глубокий анализ региональной специфики и только после — выработка конкретных мер, направленных на институциональное развитие регионов.

Качество управления развитием российских регионов со стороны властей — отдельная тема для критики со стороны научного сообщества. В работах П. А. Минакира [14] подвергается критической оценке закон о стратегическом планировании в Российской Федерации. К числу его главных недостатков П. А. Минакир относит слишком общий и не учитывающий всего многообразия российских регионов подход к оценке их развития. В результате вместо реальных стратегий, реализация которых позволила бы качественно улучшить положение дел в каждом регионе, часто воспроизводятся универсальные практики, не имеющие привязки «к земле». Такого рода проблемы остаются актуальными и до сих пор: региональная структура России крайне неоднородна, и управление ею должно в полной мере учитывать сложившиеся тенденции пространственного развития в полной мере. В качестве одного из примеров государственной региональной политики приводится «поворот на восток», т. е. особое внимание, которое сегодня на уровне правительства уделяется развитию Дальнего Востока [15].

Вопросы межрегионального взаимодействия, кооперации и совместного развития рассматривались А. И. Татаркиным [20; 21; 23]. Он последовательно доказывал идею, что именно горизонтальное взаимодействие регионов, без оглядки на федеральный центр и без указаний сверху должно стать ключевым драйвером развития всей России и, в частности, ее арктической зоны [11; 22]. Отдельным важным вопросом, выделяемым А. И. Татаркиным, была проблема развития бюджетного федерализма, что позволило бы регионам распоряжаться большим объемом финансовых ресурсов и направлять их на решение задач регионального развития. В развитие этого подхода пред-

лагается выделять в российских регионах т. н. «полюса конкурентоспособности» [11], которые могли бы стать источником опережающего развития и примером (или точкой притяжения) для своих соседей. Также проблема межрегионального взаимодействия анализируется в работах К. В. Павлова [16] и Н. Д. Борщик [4], В. И. Суслова и коллег [19]. Во всех исследованиях отмечается значительный потенциал такого рода взаимодействия, но, вместе с тем, крайне слабая его реализация на практике.

Важное место в региональных исследованиях занимает проблема устойчивости регионального развития. Она представлена в работах С. С. Гордеева и коллег [5—7]. Особое внимание при этом уделяется рискам пространственного развития России и ее промышленных регионов. Отдельного внимания заслуживает подход, в рамках которого предлагается выделять в структуре российской экономики центры и периферийные регионы. А. Г. Гранберг заложил основы этого подхода [8; 10]. Мы разделяем такой подход и видим в нем значительный исследовательский потенциал [2]. Особое значение проблема регионального развития приобретает в условиях «новой нормальности», под которыми большинство авторов понимают устойчивое изменение макроэкономической конъюнктуры, проявляющееся в снижении темпов экономического роста в мировой экономике после мирового финансового кризиса 2008 г. О важности учёта и анализа встраивания национальной и региональных экономик в условия «новой нормальности» говорит и В. Т. Рязанов [17], и Я. П. Силин с коллегами [18], и В. М. Юрьев [24], и С. Д. Бодрунов [3]. Мы также указывали в более ранних работах на необходимость учета принципиально новых условий, сложившихся во всей мировой экономике [1].

Методы и материалы

Исследование методологически основывается на следующих положениях. Во-первых, региональная структура российской экономки неоднородна, и эта неоднородность может быть описана в терминах «центра» и «периферии», при этом под «центром» мы понимаем регион, в котором происходит локальная концентрация финансовых, производственных, трудовых и иных видов ресурсов, что обеспечивается за счет привлечения этих ресурсов из его ближнего окружения (соседних регионов). Под периферийным регионом мы понимаем такой регион, который выступает донором финансовых, трудовых и иных видов ресурсов для находящихся рядом регионов. При этом, вслед за А. Г. Гранбергом, мы выделяем среди периферийных экономик два типа — отсталые (Периферия 1), для которых характерно обладание достаточно высоким потенциалом, но неэффективное его использование, и депрессивные (Периферия 2), для которых характерен как невысокий потенциал, так и слабое его использование.

Во-вторых, под условиями «новой нормальности» мы понимаем возникающую и развивающуюся новую социально-экономическую систему на основе перехода к новым технологическим укладам, способным увеличить темпы экономического роста. «Новая нормальность» создает условия для максимизации основных параметров развития в условиях глобальных вызовов. Но на начальном этапе становления из-за требуемых структурных сдвигов, институциональных и социальных изменений, новая нормальность предполагает торможение основных параметров социально-экономического развития, что иногда ошибочно принимается за кризисные явления [16, с. 46]. Обычно отсчёт «новой нормальности» ведут с мирового финансового кризиса 2008 г., и в настоящем исследовании будет использована подобная периодизация.

Выбор регионов одновременно и Уральского, и Приволжского федеральных округов обусловлен следующими обстоятельствами. Урал, как «опорный край державы» с Уральскими горами как точкой притяжения с точки зрения крепости межрегиональных экономических связей включает в себя регионы как Уральского, так и Приволжского федерального округов. При этом западная часть Приволжского федерального округа, безусловно, тяготеет и к Казани, и к Москве, но также сильны и межрегиональные связи граничных регионов (Пермский край, Республика Башкортостан, Оренбургская область) с находящимися рядом регионами УрФО. При этом особняком расположена Тюменская область и входящие в нее автономные округа по причине уникального источника экономического развития — разведанных запасов углеводородного сырья. Фактически эти регионы, а не Уральские горы, делят Россию на условно «европейскую» и «азиатскую» части.

Основой для выделения региональных центров и классификации периферийных регионов послужили (1) данные о ВВП на душу населения, представленные Росстатом

(2), данные миграционного прироста (убыли) населения России в 2015 г., а также (3) результаты оценки качества жизни по российским регионам, осуществлённой РИА «Новости» в 2018 г. По совокупности анализа этих трех показателей на роль региональных центров в Уральском и Приволжском федеральных округах «выбраны» Республика Татарстан и Свердловская область. Эти регионы — единственные, у которых значения всех трех оценочных показателей оказались в числе трех лучших по обоим федеральным округам. Помимо того, что эти регионы выступают в качестве «столичных» для соответствующих Федеральных округов, в них сочетаются высокие результаты экономической деятельности и позитивное их восприятие обществом. Далее были выделены регионы периферии, которые можно охарактеризовать как «депрессивные» — с низким значением ВВП на душу населения, существенной миграционной убылью населения, невысоким качеством жизни. Таких регионов оказалось восемь — Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область, Курганская область. При этом безоговорочным «антилидером» стала Курганская область. Остальные регионы, не дотягивающие до показателей центра, но и не имеющие серьезных провалов, признаны отстающими периферийными регионами и обозначены как Периферия 1. Кроме того, из анализа исключены Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округа — логика их развития и взаимодействия не вписывается в общероссийские тенденции и должна исследоваться особо (см. табл. 1).

Непосредственно в исследовании для оценки трендов развития регионов по группам использовались следующие показатели:

- валовой региональный продукт в текущих ценах;

Таблица 1

Группировка регионов УрФО и ПФО в контексте понятий «центр» и «периферия»

Регион	Группа регионов	ВРП на душу населения, 2016 год	Коэффициент миграционного прироста/убыли населения, на 10000 жителей, 2018 год	Рейтинг качества жизни (РИА РА, 2018 год[1])
Республика Башкортостан	Периферия 1	343 509,4	–21,83	50,201
Республика Марий Эл	Периферия 2	247 953,7	–10,26	39,548
Республика Мордовия	Периферия 2	264 363,0	–68,49	46,280
Республика Татарстан	Центр	543 522,4	7,02	66,147
Удмуртская Республика	Периферия 1	367 138,2	–26,47	46,506
Чувашская Республика	Периферия 2	219 405,6	–43,39	45,925
Пермский край	Периферия 1	453 302,3	–24,87	46,650
Кировская область	Периферия 2	238 691,9	–36,82	40,183
Нижегородская область	Периферия 1	388 808,8	–11,57	55,077
Оренбургская область	Периферия 1	414 936,9	–52,24	47,763
Пензенская область	Периферия 2	273 212,2	–43,91	48,511
Самарская область	Периферия 1	422 024,7	–1,28	54,214
Саратовская область	Периферия 2	270 766,2	–42,20	47,222
Ульяновская область	Периферия 2	272 565,4	–20,54	48,779
Курганская область	Периферия 2	236 364,7	–77,23	28,890
Свердловская область	Центр	495 115,9	–3,01	56,672
Челябинская область	Периферия 1	385 559,9	–25,69	52,435
Тюменская область (без АО)	Нетипичное наблюдение	1 900 322,7	103,95	56,302
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	Нетипичное наблюдение	2 127 213,5	–20,63	60,113
Ямало-Ненецкий автономный округ	Нетипичное наблюдение	4 581 150,1	–32,13	57,966

[1] Качество жизни в российских регионах — рейтинг 2018. URL: https://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html (дата обращения: 31.10.2019).

- доход на душу населения в среднем в месяц;
- объем инвестиций в основной капитал;
- доля безработных в общей численности населения.

Источником данных для этих, а также других упоминаемых в настоящем исследовании показателей стали данные, предоставляемые Федеральной службой государственной статистки (раздел — «Региональная статистка»[1]). Помимо самих абсолютных или относительных значений показателей там, где было целесообразно, использовались темпы прироста соответствующих показателей, а также значения стоимостных показателей, «очищенные» от инфляции.

С точки зрения методологии исследования определены конкретные задачи, которые решаются в исследовании для достижения его цели и определяющие логику всей статьи.

1. Расчет средних значений показателей для каждой группы регионов за период с 2000 по 2018 г. (для ВРП — по 2017 г.). Для расчета средних значений использовался упрощенный подход, без учета различия в весе разных регионов, что могло приводить к незначительной погрешности вычислений, не влияющей на значимость получаемых результатов.
2. Проверка обоснованности проведенной группировки на основе дисперсионного анализа.
3. Анализ различий в трендах выбранных показателей для каждой группы, с применением как их исходных значений, так и динамических характеристик, а также дефлированных значений этих показателей.
4. Анализ изменений в трендах, которые характерны для условий «новой нормальности» — периода после 2008 г.

Результаты

В результате расчета средних значений выбранных показателей по группам регионов получены ряды данных, ставшие основой анализа. Из-за их значительного объема привести их в статье целиком не представляется возможным, вместо этого приведем обобщенные характеристики полученных рядов (табл. 2). Также интерес представляет соотнесение значений этих показателей по группам регионов в начале и в конце рассматриваемого периода (табл. 3).

По представленным в табл. 2 и 3 данным прослеживаются следующие тенденции:

1. Регионы-центры по всем рассмотренным показателям являются лидерами, при этом наиболее заметно это лидерство в абсолютных показателях — ВРП и объем инвестиций в основной капитал для Центра превышают средние значения для Периферии 1 в начале 2000-х в полтора раза, а к 2018 г. это отношение доходит до двух раз. Соотношение же Центра и Периферии 2 показывает 6—7-кратное превосходство первых над вторыми. Но и по остальным показателям (а также дополнительно рассчитанному, но не отраженному в таблице объему инвестиций в основной капитал на душу населения) лидерство Центра не вызывает сомнений.
2. За период с 2000 по 2018 г. различия между Центром и периферийными регионами усилились, а между регионами Периферии 1 и Периферии 2 — сократились. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в показателе среднедушевого дохода — на начало периода он был в регионах Периферии 1 в среднем в полтора раза больше, чем для периферии 2, а в 2018 г. — больше только на 32,3 %.
3. Наиболее серьезные позитивные изменения в значениях анализируемых показателей произошли у центральных регионов, близки к ним темпы роста показателей для Периферии 2, а Периферия 1 росла медленнее. Это может быть объяснено действием двух различных факторов: в случае Центра это общемировые и общероссийские тенденции концентрации капитала и населения вокруг крупных мегаполисов (и Казань, и Екатеринбург в российском масштабе относятся к числу таких городов), а в случае с Периферией 2 — это государственная политика, направленная на снижение острых социальных проблем, и в том числе — низкого уровня доходов в депрессивных регионах. Регионы, которые находятся посередине условной шкалы «центр — периферия», обозначенные нами как «Периферия 1», в этом случае оказываются пострадавшими, и в этой группе динамика большинства показателей — самая слабая.

[1] URL: https://www.gks.ru/regional_statistics.

Таблица 2

Обобщённые характеристики рядов данных по группам регионов УрФО и ПФО по выбранным показателям

Группа регионов	ВРП в текущих ценах			Доход на душу населения, в среднем в месяц		
	2000, млрд руб.	2017, млрд руб.	Изменение 2018 к 2000, раз	2001, тыс. руб.	2017, тыс. руб.	Изменение 2018 к 2000, раз
Центр (Республика Татарстан, Свердловская область)	171,1	2128,3	12,5	1976,5	34 620,0	17,5
Периферия 1 (Республика Башкортостан, Удмуртская республика, Пермский край, Нижегородская, Оренбургская, Самарская и Челябинская области)	109,3	1132,2	10,4	1913,4	26 959,0	14,1
Периферия 2 (Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская республика, Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская и Курганская области)	28,1	317,1	11,3	1264,3	20 381,3	16,1
В среднем по всем анализируемым регионам	78,4	865,8	11,0	1615,4	24 764,9	15,3
Центр (Республика Татарстан, Свердловская область) — Ц	18,7	473,9	25,3	4,66	2,06	2,3
Периферия 1 (Республика Башкортостан, Удмуртская республика, Пермский край, Нижегородская, Оренбургская, Самарская и Челябинская области) — $П_1$	12,0	226,5	18,8	5,02	2,42	2,1
Периферия 2 (Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская республика, Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская и Курганская области) — $П_2$	3,1	67,4	22,0	5,04	2,51	2,0
В среднем по всем анализируемым регионам	8,6	180,7	21,0	4,99	2,42	2,1

Таблица 3

Соотношение значений показателей по группам регионов в начале и в конце рассматриваемого периода

Показатели	ВРП в текущих ценах		Доход на душу населения, в среднем в месяц		Объём инвестиций в основной капитал		Доля безработных в общей численности населения	
	2000	2017	2001	2018	2000	2018	2000	2018
Ц / $П_1$	1,566	1,880	1,033	1,284	1,556	2,092	0,929	0,850
Ц / $П_2$	6,085	6,713	1,563	1,699	6,121	7,034	0,925	0,821
П1 / $П_2$	3,886	3,571	1,513	1,323	3,935	3,362	0,995	0,966

4. Положительной тенденцией является тот факт, что рост среднедушевых доходов и рост инвестиций во всех группах регионов оказывается выше, чем рост ВВП — это означает, что создаваемый продукт распределяется в большей степени в пользу работников и долгосрочных реальных вложений. Хотя возможно, что обнаруженная тенденция — всего лишь следствие того, что в 2000—2001 гг. уровень и оплаты труда, и инвестиций в основной капитал просто был запредельно низким, а сейчас просто произошла определенная компенсация прошлого отставания.
5. Доля безработных в общей численности населения сократилась за рассмотренный период более чем в два раза по всем группам регионов, и этот показатель наименее дифференцирован по группам регионов. Это может означать, что число безработных — один из ключевых факторов оценки региональных властей, и их усилия существенно сглаживают реальные колебания этого показателя в официальной статистике.

Далее нами был проведен дисперсионный анализ существенности различий значений выбранных показателей по группам. Был рассчитаны среднее значение и стандартное отклонение за каждый год отдельно по разным группам и в целом по совокупности, на основе чего для каждого года рассчитан эмпирический коэффициент детерминации. Анализ его значений позволяет судить о том, что выбранный методический подход к формированию трёх групп регионов оправдан (табл. 4). Помимо четырех исходных показателей дисперсионный анализ был применен также к показателю «Инвестиции в основной капитал на душу населения», как очищенный от эффекта масштаба, когда у крупных регионов и инвестиции больше.

Данные, которые использовались в расчете эмпирического коэффициента детерминации, на примере показателя «Инвестиции в основной капитал на душу населения» в 2018 г. приведены в табл. 5. По стоимостным показателям значения эмпирического коэффициента детерминации оказались еще выше, что свидетельствует об оправданности предпринятой нами группировки регионов и существенности различий между группами. И только доля безработных в общей численности населения оказалась наиболее равномерно распределенной в регионах разных групп, хотя и для этого показателя соотношение — в Центре лучше, чем в Периферии 1, а в Периферии 1 лучше, чем в Периферии 2.

В результате эмпирический коэффициент детерминации был определен как соотношение межгрупповой и общей дисперсии, для расчета межгрупповой использовалось правило сложения дисперсий:

$$\eta = \frac{\sigma^2_{\text{межгруп}}}{\sigma^2_{\text{общ}}} = \frac{\sigma^2_{\text{общ}} - \sigma^2_{\text{ср.из групповых}}}{\sigma^2_{\text{общ}}} = 1 - \frac{\frac{2\cdot\sigma^2_{\text{Ц}} + 7\cdot\sigma^2_{\text{П1}} + 8\cdot\sigma^2_{\text{П2}}}{17}}{\sigma^2_{\text{общ}}}. \quad (1)$$

Подставив значения из таблицы, получаем

$$\eta = 1 - \frac{\frac{2\cdot 44{,}1^2 + 7\cdot 12{,}7^2 + 8\cdot 12{,}7^2}{17}}{28{,}8^2} = 1 - \frac{371{,}2}{827{,}6} = 0{,}552. \quad (2)$$

Таким образом, более половина вариации инвестиций в основной капитал на душу населения в 2018 г. можно объяснить принадлежностью региона к той или иной группе. Аналогичные расчёты были выполнены и по другим показателям, и по другим временным периодам. И в подавляющем большинстве случаев значения эмпирического коэффициента детерминации были больше 0,5. Таким образом, предложенная нами классификация регионов оправдана и действительно позволяет включить качественно однородные регионы в три разнокачественные группы.

Далее был проведен непосредственно анализ трендов выбранных показателей. Его результаты (преимущественно в графическом виде) будут представлены ниже. Динамика валового регионального продукта в текущих ценах по разным регионам, представленная на рис. 1, у разных групп регионов существенно отличается. Обращает на себя внимание разная скорость его изменения: темпы роста ВРП у регионов Центра выше, чем у периферийных. Также следует отметить, что у регионов Центра рост идет практически по экспоненте, а у регионов Периферии 2 — почти по прямой линии. Периферия 1 занимает промежуточное положение и на графике, и по форме самой кривой.

Если очистить от инфляции значения ВРП, то мы получим несколько измененную, но похожую картину (рис. 2). И у регионов Центра, и у регионов Периферии 1 в 2009 и 2010 гг. был существенный спад рассматриваемого показателя, в то время как регионы Периферии 2 почти не ощутили влияния мирового финансового кризиса, если судить по значениям ВРП. К похожему

Таблица 4

Диапазон значений эмпирического коэффициента детерминации по данным расчетов выбранных показателей за 2000—2018 годы

Показатель	Диапазон значений эмпирического коэффициента детерминации по данным расчетов за 2000—2018 годы
ВРП в текущих ценах, 2000—2017 гг.	от 0,806 до 0,886
Среднедушевые доходы населения, 2000—2018 гг.	от 0,494 до 0,826
Инвестиции в основной капитал, 2000—2018 гг.	от 0,704 до 0,886
Доля безработных в общей численности населения, 2000—2018 гг.	от 0,003 до 0,413
Инвестиции в основной капитал на душу населения, 2000—2018 гг.	от 0,490 до 0,793

Таблица 5

Средние значения и стандартные отклонения инвестиций в основной капитал на душу населения в 2018 г. по группам регионов и всей выборке, тыс. руб.

Группа регионов	Среднее значение	Стандартное отклонение (σ)
Центр (2 региона)	117,6	44,1
Периферия 1 (7 регионов)	80,01	12,7
Периферия 2 (8 регионов)	52,1	12,7
По всем анализируемым регионам	71,3	28,8

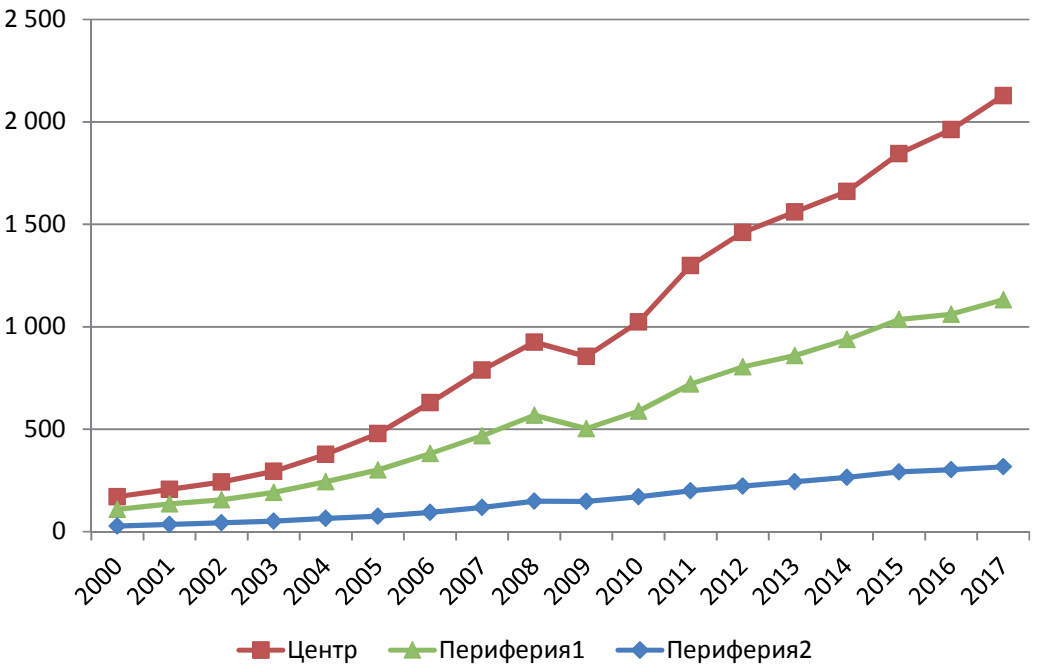

Рис. 1. Валовой региональный продукт в текущих ценах, млрд рублей, по группам регионов

выводу можно прийти, если анализировать значения темпов прироста (рис. 3) — у Периферии 2 график наиболее сглаженный из всех. Наблюдается интересная закономерность — как только экономика начинает работать лучше, и ВРП растёт — Периферия 2 оказывается среди отстающих. И наоборот, в период, когда темпы роста ВРП снижаются или даже становятся отрицательными, Периферия 2 оказывается наименее постра-

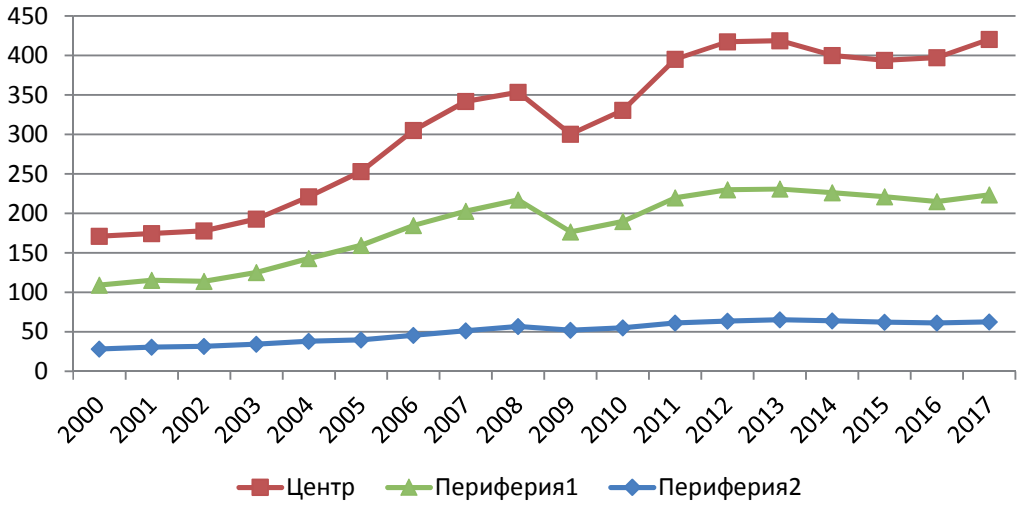

Рис. 2. Валовой региональный продукт в ценах 2000 года, млрд рублей, по группам регионов

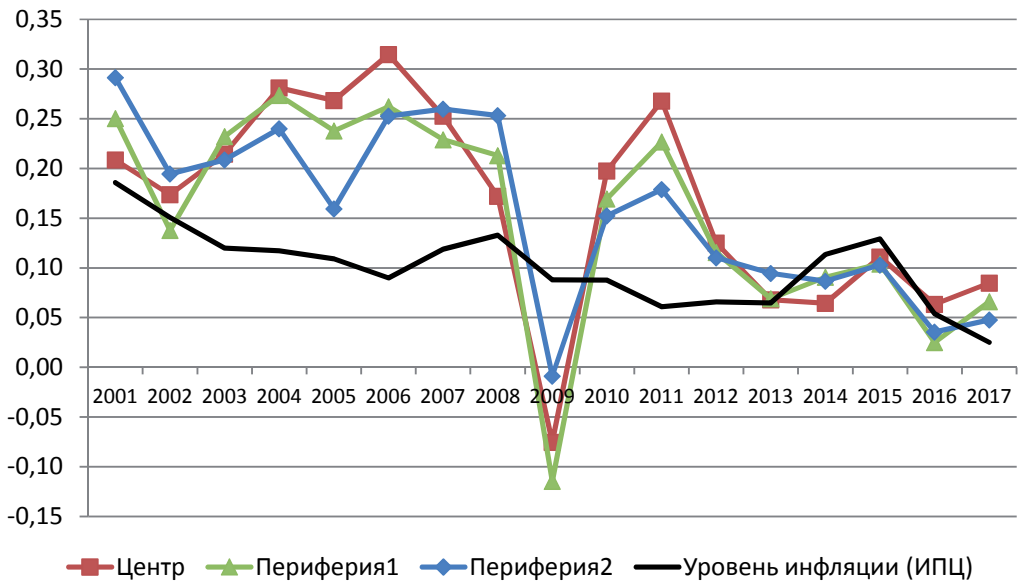

Рис. 3. Темп прироста ВРП с текущих ценах по группам регионов и в сравнении с уровнем инфляции, рассчитанным по индексу потребительских цен

давшей. Также обращает на себя внимание тот факт, что в период с 2013 по 2016 г. все группы регионов росли медленнее инфляции и с переменным успехом, и в условиях «новой нормальности» устойчивых закономерностей выявить не получится.

В развитие подхода, представленного в табл. 3, можно проиллюстрировать тезис о различиях в развитии регионов каждой группы при помощи рис. 4. Соотношение значений ВРП в Центре и Периферии 1 постепенно увеличивается с 1,57 до 1,88 раз. Одновременно разрыв между Центром и Периферией 2 циклически изменяется с периодом колебаний в 8 лет и постепенно увеличивается — с 6,09 до 6,71 раз. Соотношение ВРП у Периферии 1 и Периферии 2 постепенно, но достаточно быстро сокращается — от 3,89 до 3,57 раз.

Динамика доходов на душу населения по трем группам регионов имеет наиболее близкую форму из всех показателей

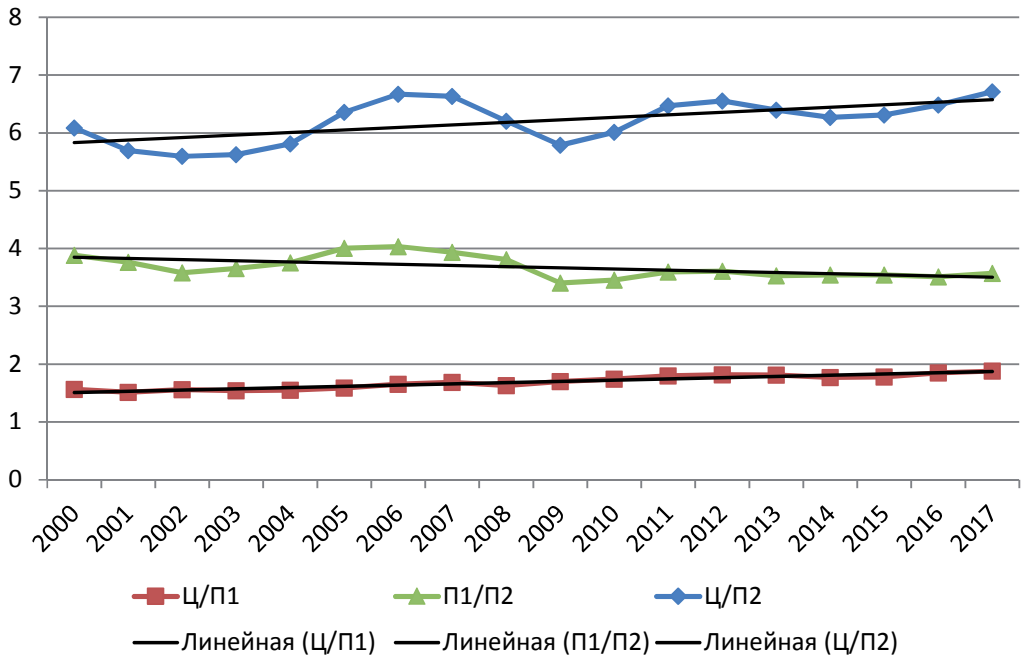

Рис. 4. Соотношение средних значений ВРП в ценах 2000 года по группам регионов

(рис. 5). До 2015 г. все три показателя равномерно растут с немного разной скоростью (у Центра — выше, у Периферии 1 — немного ниже, в Периферии 2 — еще ниже). К 2015 г. разница в среднедушевых доходах достигает 13,2 тыс. руб. (33,2—20,0), а доходы Периферии 1 занимают промежуточное положение 27,1 тыс. руб. Но в 2016—2018 гг. быстрый рост останавливается, и далее тренды меняются: номинальные доходы в Центре медленно растут, в Периферии 2 — снижаются, а в Периферии 2 — остаются практически неизменными. Дополнительно проиллюстрировать тенденции среднедушевых доходов по группам регионам можно, рассчитав темпы его прироста и соотнеся их с уровнем инфляции (рис. 6). С 2002 по 2013 г. практически неизменным был рост доходов выше уровня инфляции, а начиная с 2014 г. инфляция практически всегда «съедала» номинальный рост (если он имел место). Таким образом, во всех регионах в период с 2014 по 2018 г. произошло снижение реальных доходов населения, при этом наиболее резкое снижение было характерно для Периферии 1 (на 14,6 %), а самое слабое — для Центра (на 11,9 %).

Динамика объема инвестиций в основной капитал демонстрирует еще большую пропасть между Центром и Периферией (рис. 7). Для регионов Центра тренд этого показателя демонстрирует впечатляющую динамику, замедляясь по объективным причинам только в 2016 г. Инвестиции в Периферии 1 растут существенно медленнее (и это несмотря на то, что и среди этих регионов есть несколько, принимавших матчи Чемпионата мира по футболу и получивших в период 2014—2018 гг. дополнительное финансирование под эти цели). Различие между Центром и Периферией 1 — более 2 раз. Отношение же между инвестициями Центра и Периферии 2 достигает в 2018 г. 7 раз. Также обращает на себя внимание то факт, что начиная с 2014 г. уровень инфляции обгоняет темп прироста объема инвестиций. Наиболее ярко это проявляется для регионов Центра. Они же начиная с 2007 г. попадают в зону отрицательных темпов прироста инвестиций в основной капитал. Регионы периферии, напротив, в 2017 (Периферия 2) и 2018 г. (Периферия 1) демонстрируют определенные успехи (рис. 8). Следует отметить, что тренды производного от этого показателя, объема инвестиций в основной капитал на душу населения, практически повторяют рис. 7 с одной лишь разницей — отличия не столь велики. Однако сама тенденция остается — в регионы периферии вкладывается в разы меньше средств и в обновление основных производственных фондов, и в развитие инфраструктуры, и в открытие новых производств (рис. 9).

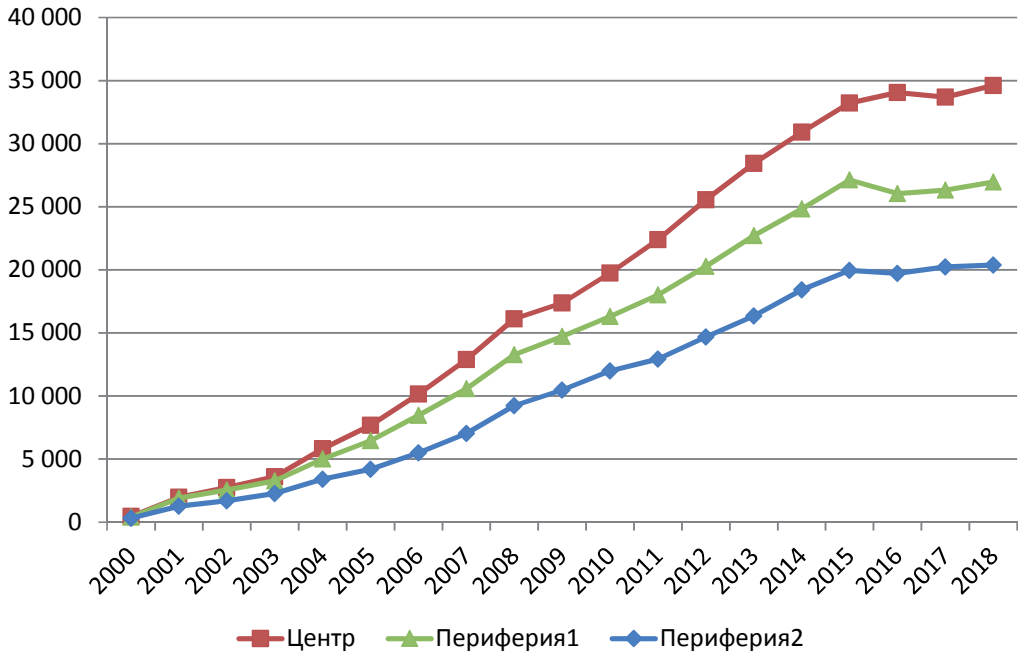

Рис. 5. Динамика доходов на душу населения по группам регионов в 2002—2018 гг. (тыс. рублей в месяц)

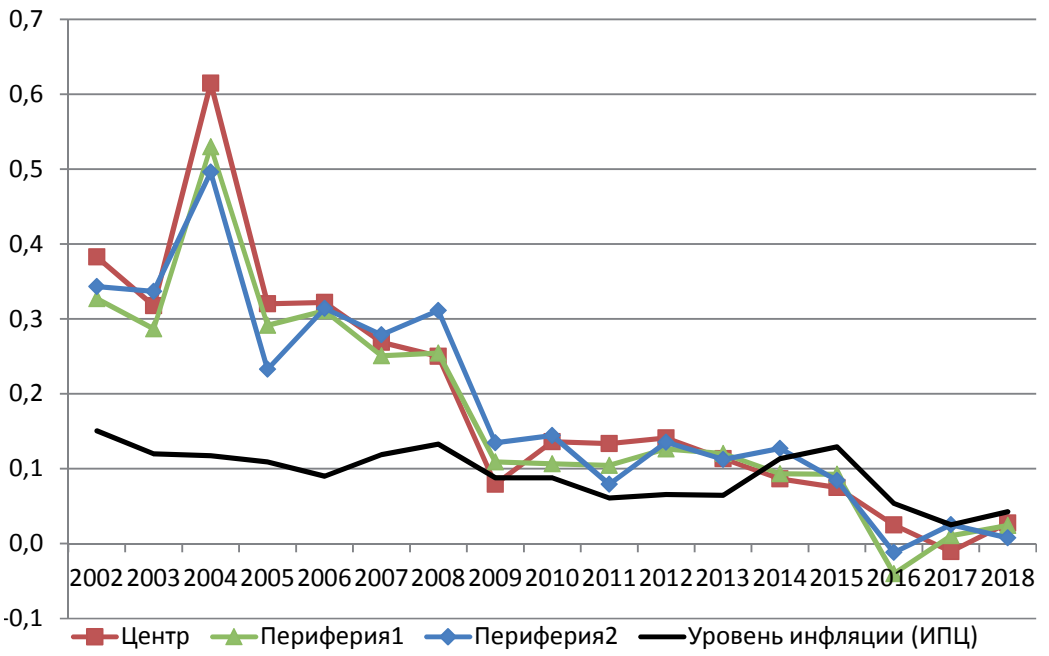

Рис. 6. Темпы прироста доходов на душу населения по группам регионов в 2002—2018 гг. и в сравнении с уровнем инфляции, рассчитанным по индексу потребительских цен

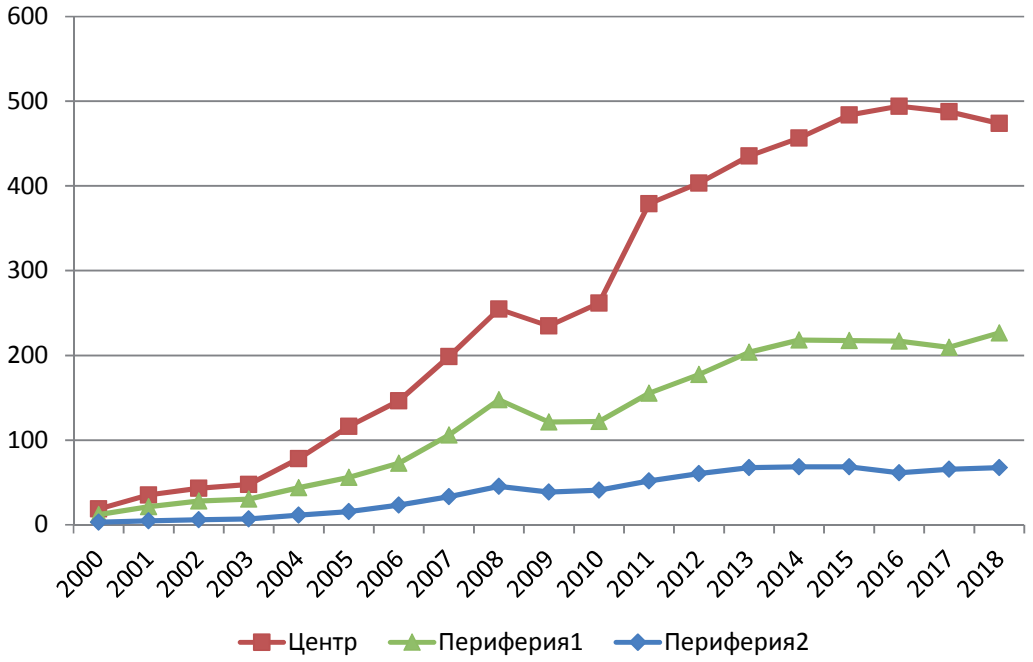

Рис. 7. Динамика объёма инвестиций в основной капитал по группам регионов в 2000—2018 гг., млрд рублей

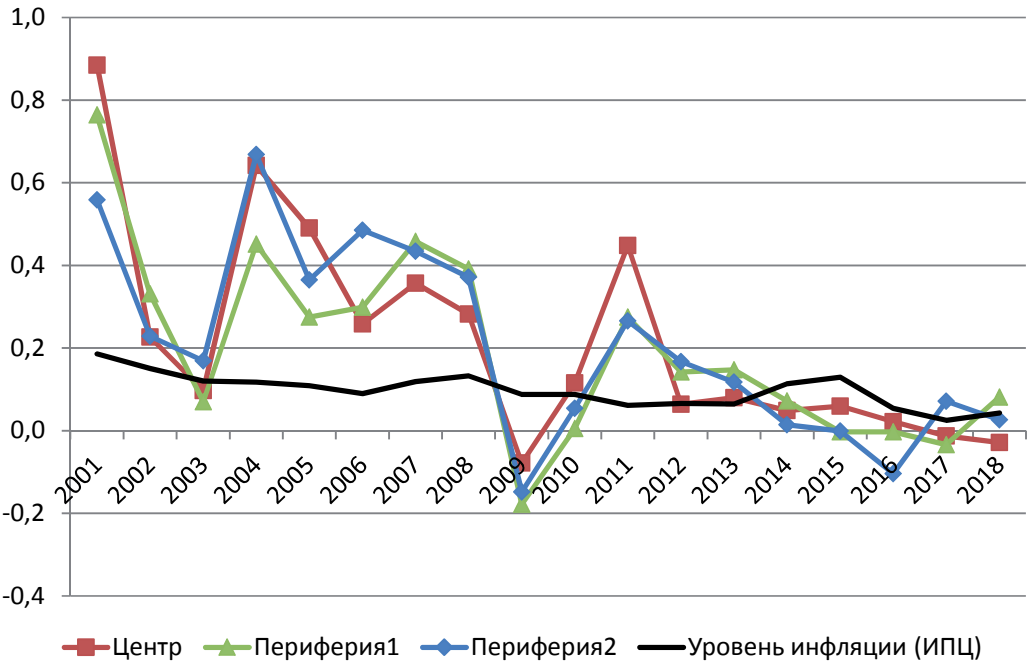

Рис. 8. Темп прироста объёма инвестиций в основной капитал по группам регионов в 2001—2018 гг. и в сравнении с уровнем инфляции, рассчитанным по индексу потребительских цен

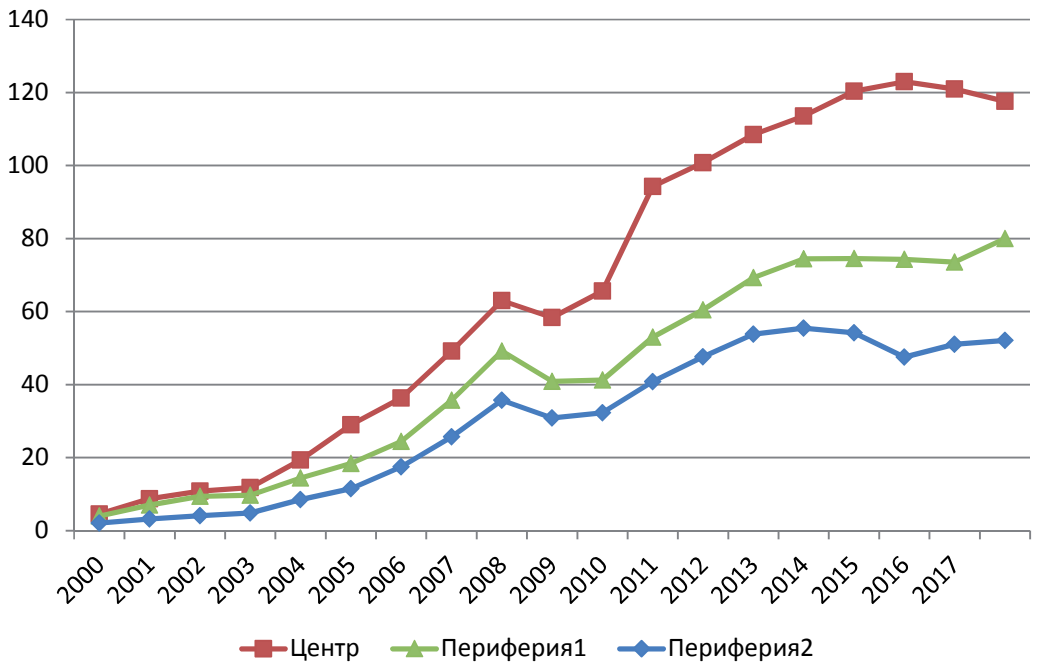

Рис. 9. Динамика объёма инвестиций в основной капитал на душу населения по группам регионов в 2000—2018 гг., тыс. руб.

Доля безработных в общей численности населения — один из немногих показателей, характеризующих сближение позиций Центра и Периферии. Более того, можно выделить временные периоды, когда таких различий почти не существовало: период с 2003 по 2007 год для Центра и Периферии 1 (в Периферии 2 доля была почти на процентный пункт больше). С 2014 по 2018 г. практически одинаковый результа по этому показателю был у Периферии 1 и Периферии 2 (в Центре в это время значения показателя почти достигли исторически минимального значения — 2 %). В целом картина, которую рисует именно доля безработных в общей численности населения, говорит о сближении позиций центра и периферии, однако, если смотреть на этот показатель вместе с трендами среднедушевых доходов, то станет ясно — в регионах Периферии 1 и, особенно, Периферии 2, высокая занятость достигается ценой низкой оплаты труда, что отрицательно сказывается на уровне жизни.

Обычно ученые говорят, что условия «новой нормальности» характерны для мировой и национальных экономик периода после 2009 г., когда произошел мировой финансовый кризис. С тех пор прошло уже 10 лет, но мировая экономика продолжает оставаться в состоянии рецессии, и это процесс с разной интенсивностью проявляется практически во всех странах. Рассмотрим, как реагировали на изменение макроэкономической конъюнктуры три выделенные нами группы. Для этого использует три индикатора — реальный ВРП (в ценах 2000 г.), инвестиции в основной капитал на душу населения (также приведенные к ценам 2000 года), а также реальный среднедушевой доход (табл. 6).

Расчет показал, что реальный ВРП у Центра вырос за период с 2000 по 2017 г. в 2,5 раза, при этом за период с 2000 по 2008 г. ежегодный прирост составлял в среднем 9,5 %, а после 2009 г. — 4,3 %. Для 1 характерен рост реального ВРП в 2 раза, а также падение среднегодового темпа прироста в условиях «новой нормальности» с 9,0 до 3,0 %, а для Периферии 2 при общем росте в 2,2 раза и 9,2 % прироста за период с 2000 по 2008 г. последующий среднегодовой прирост составил 2,4 %. Таким образом, условия «новой нормальности» наиболее неблагоприятным образом отразились на регионах Периферии 2, а наиболее слабое влияние на тренд реального ВРП «новая нормальность» оказала в случае Центра. Ситуация с ростом реальных среднедушевых доходов немного иная, но также основывается на резком изменении тренда в условиях «новой нормальности» — с 2001 по 2018 г. Центр

Таблица 6

Реакция основных показателей на возникновение условий «новой нормальности» по разным группам регионов

Группа регионов	Реальный ВРП			Реальные среднедушевые доходы			Реальные инвестиции в основной капитал		
	Темп роста 2000—2017	Среднегодовой темп прироста		Темп роста 2000—2017	Среднегодовой темп прироста		Темп роста 2000—2017	Среднегодовой темп прироста	
		2000—2008	2009—2017		2001—2008	2009—2017		2000—2008	2009—2018
Центр	2,5	0,095	0,043	3,9	0,205	0,010	4,9	0,231	0,017
Периферия 1	2,0	0,090	0,030	3,2	0,178	0,001	3,8	0,213	0,001
Периферия 2	2,2	0,092	0,024	3,6	0,186	0,009	4,7	0,264	–0,008

демонстрировал рост в 3,9 раза, Периферия 1 — в 3,2 раза, а периферия 2 — в 3,6, обойдя по скорости роста Периферию 1. При этом условия «новой нормальности» везде кратно понизили среднегодовой темп прироста этого показателя — в Центре — с 20,5 до 1,0 %, в Периферии 1 — с 17,8% до 0,1%, а в Периферии 2 — с 18,6 до 0,9 %. Что касается реальных среднедушевых инвестиций, то этот показатель также претерпел существенные изменения по всем группам регионов, но с разным результатам — у Центра темп его прироста сократился с 23,1 до 1,7 %, у Периферии 1 — с 21,3 практически до 0 (0,1 %), а у Периферии 2 — опустился в отрицательную зону (с 26,4 до –0,8 %). В целом все расчёты подтверждают высказанный тезис существенности различий реакции разных групп регионов на появление условий «новой нормальности», одновременно указывая на то, что Центру эти условия даются легче, чем периферийным регионам, которые балансируют на гране замирания экономической динамики.

Обсуждение

В результате проведенного анализа сформулированная в начале статьи гипотеза о наличии в региональной структуре российской экономики регионов-центров и периферийных регионов (причем разнокачественных) подтвердилась. На примере регионов, образующих Уральский и Приволжский федеральные округа, определена структура, включающая два центральных региона (Республика Татарстан и Свердловская область), 7 регионов, которых можно назвать отсталыми (Республика Башкортостан, Удмуртская республика, Пермский край, Нижегородская, Оренбургская, Самарская и Челябинская области), и 8 регионов, которых в рамках настоящего исследования можно отнести к депрессивным (Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская и Курганская области). Это деление довольно устойчиво, что можно подтвердить, помимо рассмотренных в основной части статьи показателей, динамикой темпов прироста численности населения (рис. 10). Помимо явно выбивающихся из общей тенденции 2010 и 2011 гг. (в 2010 г. вследствие последствий мирового финансового кризиса произошла крупная миграция населения из регионального центра в федеральный в поиске лучших условий труда и жизни, в 2011 г. похожий процесс произошёл в отсталых регионах), в остальные периоды демографическая ситуация в центральных регионах относительно благополучная, и начиная с 2012 г. наблюдается положительный темп прироста населения, в отсталых регионах, начиная с 2009 г. убыль не превышает, как правило, 0,2 %, а вот в депрессивных регионах в 2—3 раза превышает значения отсталых регионов. Это прекрасная иллюстрация того, как люди «ногами» характеризуют эволюцию региональной структуры российской экономики, безошибочно указывая, где ее центры, где «второй эшелон», стремящийся центры догнать, и где — «подвал», где царит пессимизм и желание уехать.

Для размышления приведем еще один показатель, характеризующий стоимость жизни в различных городах России (Индекс стоимости жизни, Росстат[1]). Этот коэффициент показывает, насколько стоимость жизни в различных городах от среднероссийского уровня, принимаемого за 1. Сопоставим этот показатель со среднедушевым доходом в соответствующей области. Результаты сопоставления — в табл. 7 и на рис. 11 (размер и цвет пузырька соответствуют разным группам регионов). Можно отметить, что в целом стоимость жизни в Периферии 2 не ниже, чем в Периферии 1, а в Периферии 1 — не

[1] URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/itogi_isj.pdf.

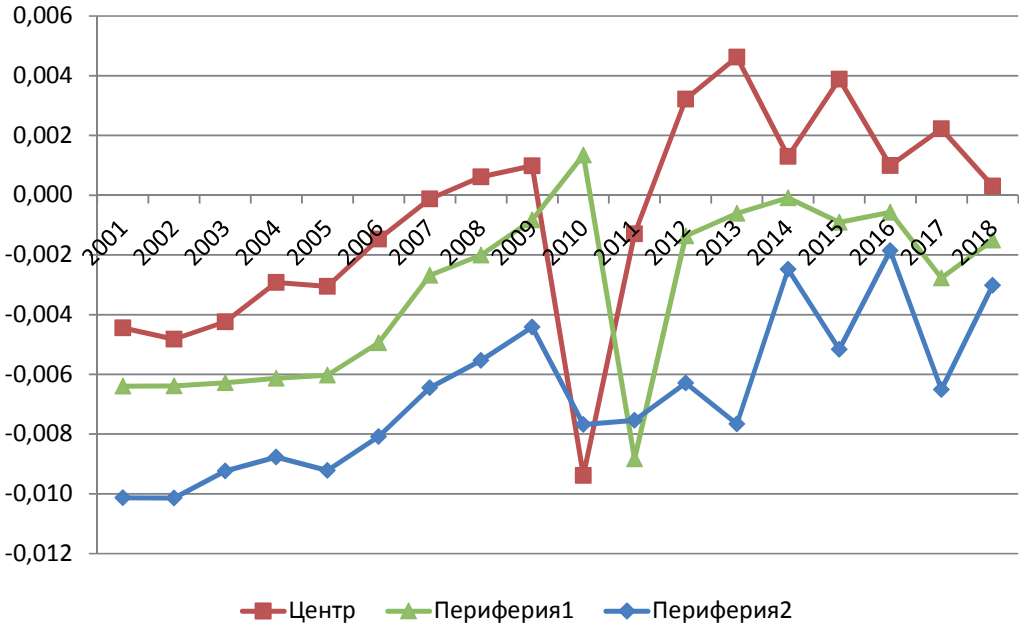

Рис. 10 Динамика темпов прироста численности жителей по группам регионов, 2000—2018 гг.

Таблица 7

Сравнение индекса стоимости жизни и среднедушевых доходов по регионам, относящимся к разным группам

Регион	Группа регионов	Индекс стоимости жизни в столице региона, 2018	Среднедушевые доходы в месяц, тыс. рублей
Москва (для сравнения)		1,27	62,4
Республика Татарстан (Казань)	Центр	0,91	33,1
Свердловская область (Екатеринбург)	Центр	1,02	36,1
Республика Башкортостан (Уфа)	Периферия 1	0,97	28,6
Удмуртская Республика (Ижевск)	Периферия 1	0,94	24,4
Пермский край (Пермь)	Периферия 1	1,00	28,8
Нижегородская область (Нижний Новгород)	Периферия 1	1,03	31,6
Оренбургская область (Оренбург)	Периферия 1	0,90	23,8
Самарская область (Самара)	Периферия 1	0,96	27,5
Челябинская область (Челябинск)	Периферия 1	0,90	23,9
Республика Марий Эл (Йошкар-Ола)	Периферия 2	0,89	19,1
Республика Мордовия (Саранск)	Периферия 2	0,86	18,0
Чувашская Республика (Чебоксары)	Периферия 2	0,88	18,1
Кировская область (Киров)	Периферия 2	0,93	21,9
Пензенская область (Пенза)	Периферия 2	0,89	21,6
Саратовская область (Саратов)	Периферия 2	0,90	20,6
Ульяновская область (Ульяновск)	Периферия 2	0,95	22,8
Курганская область (Курган)	Периферия 2	0,98	20,8

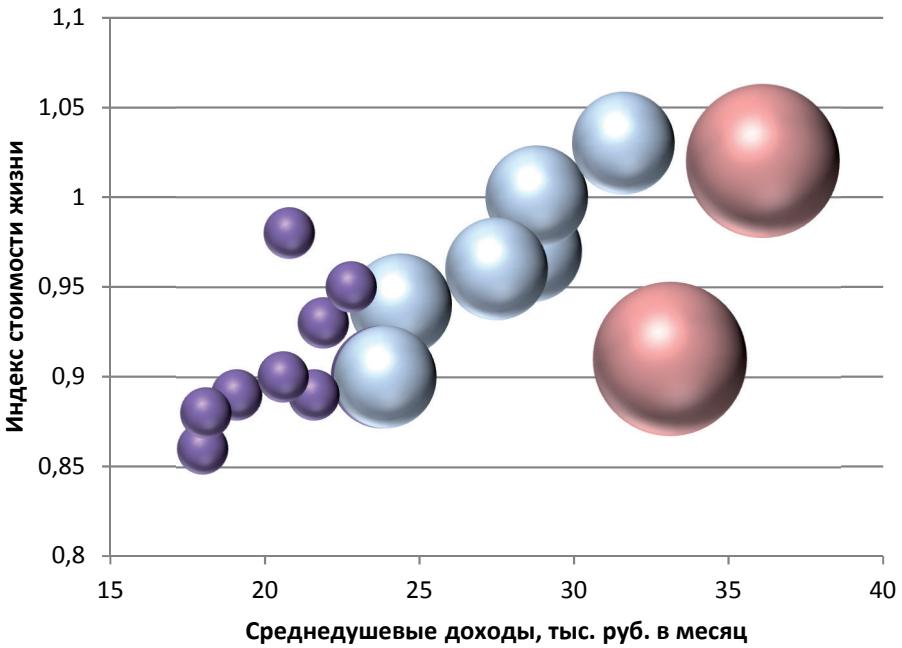

Рис. 11. Корреляция между среднедушевыми доходами и индексами стоимости жизни в столицах по группам регионов в 2018 г. (размер пузырька определяет группу региона — наиболее крупные — центр, среднего размера — Периферия 1, самые мелкие — Периферия 2)

ниже, чем в Центре. При этом среднедушевые доходы, напротив, как уже было отмечено, распределяются четко по группам — у Центра выше, у Периферии 1 — немного ниже, а у Периферии 2 — существенно ниже, чем и у первых, и у вторых. Внутри каждой группы явно прослеживается взаимосвязь рассмотренных показателей.

Приведенные здесь аргументы — еще два повода задуматься о неравномерности пространственного развития России и о необходимости реализации взвешенной и планомерной политики, направленной на получение более равномерной региональной структуры, пусть даже в ущерб усреднённой экономической эффективности.

Заключение

Таким образом, региональная структура российской экономики в условиях новой нормальности продолжает оставаться неравномерной, и степень неравномерности, которую можно охарактеризовать в терминах центра и периферии, со временем нарастает. Рассмотренный показатели: валовой региональный продукт, среднедушевые доходы, инвестиции в основной капитал и доля безработных в общей численности населения как в номинальном, так и в реальном выражении, а также в темпах прироста — существенно различаются в выделенных в настоящем исследовании трех группах регионов — Центра, Периферии 1 и Периферии 2. В целом за весь рассмотренный период дистанция между Центром и периферийными регионами увеличивается, а между периферийными двух типов — сокращается за счет опережающего роста показателей Периферии 2. Исключением из этой тенденции можно считать дополнительно приведенные данные о приросте числа жителей, а также об инвестициях в основной капитал — по этим показателям Периферия 2 продолжает критически отставать от других групп.

Предложенный подход, на наш взгляд, является перспективным, и продолжение исследования может вестись по следующим направлениям, выходящим за рамки настоящей статьи:

1. Дополнить проведенный анализ путем включения в него новых показателей, глубже характеризующих все аспекты социально-экономического развития регионов, протестировать показатели на предмет отсутствия дублирования между ними.

2. Провести кластерный анализ по выбранным показателям и подтвердить или опровергнуть корректность исходного разбиения регионов на группы Центра, Периферии 1 и Периферии 2.
3. Провести корреляционно-регрессионный анализ факторов, определяющих различия в социально-экономическом развитии регионов, относящихся к разным группам.
4. Распространить опыт анализа на регионы России, относящиеся к другим федеральным округам.

---

1. Бархатов В. И. Тренды развития регионов в условиях «новой нормальности» и «новой реальности» // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). Экономические науки. Вып. 66. С. 43—56.

2. Бархатов В. И. К вопросу о возможности и факторах экономического роста в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). С. 7—10.

3. Бодрунов С. Д. Судьба науки в России в условиях «новой нормальности» // Производство, наука и образование России: новые вызовы : сб. материалов III Междунар. конгресса / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. М., 2017. С. 16—26.

4. Борщик Н. Д. Межрегиональные связи субъектов Российской Федерации: теория и практика // Политика, экономика и инновации. 2016. № 3 (5). С. 2—6.

5. Гордеев С. С. Условия устойчивости и эффективности управления бюджетным процессом региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 12 (367). С. 62—70.

6. Гордеев С. С., Кочеров А. В. Влияние кризисных рисков на динамику валового регионального продукта // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 8 (363). С. 104—113.

7. Гордеев С. С., Кочеров А. В., Подопригора А. В. Риски интеграции точек роста в экономику региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 18 (373). С. 65—73.

8. Гранберг А. Г. Программа фундаментальных исследований пространственного развития России и роль в ней Северо-Западного региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2009. № 1 (38). С. 1—6.

9. Гранберг А. Г., Михеева Н. Н., Ершов Ю. С., Кулешов В. В., Селиверстов В. Е., Суслов В. И., Суспицын С. А., Минакир П. А. Воздействие мирового кризиса на стратегию пространственного социально-экономического развития Российской Федерации // Регион: Экономика и Социология. 2009. № 4. С. 69—101.

10. Гранберг А. Г. Экономика и социология пространства // Экономическое возрождение России. 2010. № 4 (26). С. 55—57.

11. Лаврикова Ю. Г., Акбердина В. В. Приоритеты и механизмы межрегиональных взаимодействий: опыт уральских регионов в проекте «Арктический вектор уральского созвездия» // Регион: экономика и социология. 2018. № 4 (100). С. 168—191.

12. Лаврикова Ю. Г., Большаков А. Л. Методика идентификации «полюсов конкурентоспособности» на территории России // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 8 (455). С. 55—64.

13. Минакир П. А. Институциональные отображения пространственного развития // Пространственная экономика. 2016. № 4—5. С. 7—12.

14. Минакир П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 7—15.

15. Минакир П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1016—1029.

16. Павлов К. В. Межрегиональные социально-экономические отношения // Проблемы современной экономики. 2008. № 4 (28). С. 371—375.

17. Рязанов В.Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. № 4. С. 3—34.

18. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 3. С. 714—725.

19. Суслов В. И., Ибрагимов Н. М., Мельникова Л. В. Коалиционный анализ и эффекты межрегиональной интеграции // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1131—1144.

20. Татаркин А. И. Модернизационное обновление российского пространства на основе инновационных инициатив // Регион: экономика и социология. 2016. № 1 (89). С. 6—33.

21. Татаркин А. И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 1. С. 9—27.

22. Татаркин А. И., Татаркин Д. А. Российский налогово-бюджетный федерализм в условиях экономической нестабильности // Федерализм. 2016. № 3 (83). С. 9—26.

23. Татаркин А. И., Логинов В. Г., Захарчук Е. А. Социально-экономические проблемы освоения и развития российской арктической зоны // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 2. С. 99—109.

24. Юрьев В. М., Бабаян В. Г. Россия 2016: стратегия в условиях «новой нормальности» // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 1. С. 119—125.

References

1. Barhatov V.I. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (431), pp. 43—56 [in Rus].

2. Barhatov V.I. (2019) *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (413), pp. 7—10 [in Rus].

3. Bodrunov S.D. (2017) *Proizvodstvo, nauka i obrazovanie Rossii: novye vyzovy.* Moscow, pp. 16—26 [in Rus].

4. Borshchik N.D. (2016) *Politika, ekonomika i innovacii,* no. 3 (5). pp. 2—6 [in Rus].

5. Gordeev S.S. (2015) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 12 (367), pp. 62—70 [in Rus].

6. Gordeev S.S., Kocherov A.V. (2015) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2015, no. 8 (363), pp. 104—113 [in Rus].

7. Gordeev S.S., Kocherov A.V., Podoprigora A.V. (2015) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 18 (373), pp. 65—73 [in Rus].

8. Granberg A.G. (2009) *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya,* no. 1 (38), pp. 1—6 [in Rus].

9. Granberg A.G., Miheeva N.N., Ershov Yu.S., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suspicyn S.A., Minakir P.A (2009) *Region: ekonomika i sociologiya*, no. 4, pp. 69—101 [in Rus].

10. Granberg A.G. (2010) *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii,* no. 4 (26), pp. 55—57 [in Rus].

11. Lavrikova Yu.G., Akberdina V.V. (2018) *Region: ekonomika i sociologiya*, no. 4 (100), pp. 168—191 [in Rus].

12. Lavrikova Yu.G., Bol'shakov A.L. (2016) *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika,* no. 8 (455), pp. 55—64 [in Rus].

13. Minakir P.A. (2016) *Prostranstvennaya ekonomika*, no. 4—5, pp. 7—12 [in Rus].

14. Minakir P.A. (2016) *Prostranstvennaya ekonomika*, no. 3, pp. 7—15 [in Rus].

15. Minakir P. A. (2017) *Ekonomika regiona*, vol. 13, no. 4, pp. 1016—1029 [in Rus].

16. Pavlov K.V. (2008) *Problemy sovremennoj ekonomiki,* no. 4 (28), pp. 371—375 [in Rus].

17. Ryazanov V.T. (2013) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*, no. 4, pp. 3—34 [in Rus].

18. Silin YA.P., Animica E.G., Novikova N.V. (2016) *Ekonomika regiona,* vol. 12, no. 3, pp. 714—725 [in Rus].

19. Suslov V.I., Ibragimov N.M. (2018) *Ekonomika regiona,* vol. 14, no. 4. pp. 1131—1144 [in Rus].

20. Tatarkin A.I. (2016) *Region: Ekonomika i Sociologiya*, no. 1 (89), pp. 6—33 [in Rus].

21. Tatarkin A.I. (2016) *Ekonomika regiona*, vol. 12, no. 1, pp. 9—27 [in Rus].

22. Tatarkin A.I., Loginov V.G., E.A. (2017) *Vestnik Rossijskoj akademii nauk,* vol. 87. no. 2, pp. 99—109 [in Rus].

23. Tatarkin A.I., Tatarkin D.A. (2016) *Federalizm*, no. 3 (83), pp. 9-26 [in Rus].

24. YUr'ev V.M., Babayan V.G. (2016) *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process,* vol. 11, no. 1, pp. 119—125 [in Rus].

For citing: Barkhatov V.I., Pletnev D.A., Kapkaev Yu.Sh. The Ural and Volga regions' centers and periphery in the context of "new normality" // Socium i vlast'. 2019. № 5 (79). P. 65—83. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83

UDC 329.273

THE URAL AND VOLGA REGIONS' CENTERS AND PERIPHERY IN THE CONTEXT OF "NEW NORMALITY"

Viktor I. Barkhatov,
Chelyabinsk State University,
Director of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration,
Doctor of Economics, Professor.
The Russian Federation, 454001,
Chelyabinsk, ulitsa Bratyev Kashyrinykh, 129.
E-mail: ieo-science@csu.ru

Dmitri A. Pletnev,
Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department of Economics of Industry and Markets,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 454001,
Chelyabinsk, ulitsa Bratyev Kashyrinykh, 129.
E-mail: pletnev@csu.ru

Yuner Sh. Kapkaev,
Chelyabinsk State University,
Professor of the Department Chair of Economics of Industry and Markets,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 454001,
Chelyabinsk, ulitsa Bratyev Kashyrinykh, 129.
E-mail: zam@csu.ru

Abstract

Introduction. Nowadays the issues of Russia's spatial development are extremely important for studying: technological and socio-economic changes that have taken place from 2000 to 2019 are forming new trends that govern regional development, and they need to be understood and studied for better state regulation of this area.
The aim of the article is to analyze the development trends of regional centers and the periphery of the Russian economy in the period from 2000 to 2018 as exemplified by the regions of the Volga and Ural federal districts.
Methods. The authors use the methods of generalization, grouping, dispersion analysis, calculation of the dynamic performance of time series data and correlation analysis.
Scientific novelty of the study. The article presents an empirical analysis of the socio-economic development of the Russian regions included in the Ural and Volga federal districts from 2000 to 2018 (including the period of "new normality" after 2009), on the basis of identifying three different-quality groups of regions among which there are (Center (Republic of Tatarstan and Sverdlovsk region), Periphery 1 — backward areas according to A. G. Raizberg's classification, which include seven regions, and Periphery 2 — a group of depressed regions including eight constituents of the Russian Federation.
Results. As a result of the study, it was found that the groups of regions have different trends in socio-economic development, and the conditions of the "new normality" only reinforce these differences. The authors show that the spatial differentiation of the Russian economy is increasing.
Conclusions. The study can be used for a deeper and more detailed analysis of forming centers and peripheral economies in the Russian economy in order to develop recommendations to overcome their lagging and ensuring balanced spatial development of the country.

Key concepts:
center,
periphery,
new normality,
regional economy,
gross regional product,
cost of living index,
per capita income,
demography.